

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 342.565.2

М.А. Митюков

ПОЛНОМОЧИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ
В ЕГО СОБСТВЕННОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Рассматривается проблема объема полномочий Конституционного суда РФ: их самоограничение, когда речь идет о преимущественно политических вопросах, поставленных перед этим органом конституционного правосудия, и о появлении в сугубо правовой сфере некоторых новых его полномочий, которые во многом обусловлены задачами и целями конституционного судопроизводства.

Казалось бы, вопрос, вынесенный в заголовок, весьма ясен и не вызывает серьезных дискуссий в науке конституционного права. Конституция 1993 г., с учетом предшествующего опыта деятельности Конституционного суда, модернизировала объем его полномочий: исключила те из них, которые втягивали суд «в политику» (рассмотрение дел по собственной инициативе, проверка конституционности партий, контроль за действиями институтов власти и т.п.), и дополнила их сугубо правовыми вопросами (толкование Конституции, конкретный нормоконтроль).

Полномочия Конституционного суда РФ четко определены в ст. 125 Конституции РФ и развернуты в ст. 3 Федерального конституционного закона 1994 г. «О Конституционном суде Российской Федерации». Но к этому следует дополнить, что в силу ч. 3 ст. 128 Конституции РФ его полномочия могут устанавливаться и любым другим федеральным конституционным законом. Это позволяет через систему подобного рода законов расширять компетенцию Конституционного суда за пределы, обозначенные ст. 125 Конституции РФ. Законодатель не преминул этим воспользоваться. Федеральным конституционным законом «О референдуме Российской Федерации» Конституционный суд был наделен правом проверки соблюдения требований назначения референдума, предусмотренных Конституцией РФ (ст. 12) [1]. Другим федеральным конституционным законом уполномоченному по правам человека в РФ предоставляется возможность по результатам рассмотрения жалобы обращаться в Конституционный суд с жалобой на нарушение конституционных прав и свобод граждан законом, примененным или подлежащим применению в конкретном деле [2].

На круг полномочий Конституционного суда косвенным образом может влиять и законодательная реализация ч. 4 ст. 125 Конституции РФ, устанавливающая, что этот суд по жалобам на нарушение конституционных прав и свобод граждан и по запросам судов проверяет конституционность закона, примененного или подлежащего применению в конкретном деле, в порядке, установленном федеральным законом. Специально такого закона не принято. Можно лишь предполагать, что названный аспект, помимо гл. XII и XIII ФКЗ «О Конституционном суде РФ», фактически заменивших упомянутый федеральный закон, может регламентироваться и в других законах. Это предположение, по крайней мере сейчас, подтверждается ст. 35 Закона РФ от 17 января 1992 г. «О прокуратуре Российской Феде-

рации» (в ред. Федерального закона от 17 ноября 1995 г.), предоставившей право Генеральному прокурору РФ обращаться в Конституционный суд РФ по вопросу нарушения конституционных прав и свобод граждан законом, примененным или подлежащим применению в конкретном деле [3]. Конечно, можно спорить, насколько эта норма соответствует буквальному смыслу ч. 4 ст. 125 Конституции РФ, предполагавшей принятие закона, устанавливающего порядок (т.е. процедуры и процессуальные нормы) конкретного нормоконтроля [4]. Однако она в полной мере соответствует принципам и духу Конституции, закрепляющей приоритет основных прав и свобод человека и гражданина.

Таким образом, в федеральном конституционном законодательстве проявляют себя две взаимоисключающие тенденции: первая из них, направленная на определенное ограничение и формализацию полномочий Конституционного суда, а другая, представляющая возможность в соответствии с текущими потребностями жизни и объективным в связи с этим преобразованием Конституции [5, 6], развивать и расширять эти полномочия. Естественно, что эти тенденции находят выражение и в практике Конституционного суда РФ.

Линия на «ограничение» осуществления своих полномочий Конституционным судом проводится, прежде всего, в случаях, когда поставленный перед ним вопрос является не столько решением проблем права, сколько - политических задач. Впервые она была сформулирована в определении Конституционного суда от 20 ноября 1995 г. об отказе в принятии к рассмотрению запросов группы депутатов Государственной думы и Верховного суда РФ о проверке конституционности ряда положений Федерального закона от 21 июня 1995 г. «О выборах депутатов Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации». Этим актом Конституционный суд признал недопустимым рассмотрение в ходе избирательной кампании запросов, которые могут «неоправданно осложнить избирательный процесс, отрицательно сказаться на волеизъявлении избирателей и, в конечном счете, повлиять на результаты выборов. Конституционный суд фактически превратился бы в участника избирательной кампании, что противоречит его предназначению и принципам деятельности» [7].

Впоследствии, проводя указанную линию, Конституционный суд воздержался от признания Федерального закона «О культурных ценностях, перемещенных в Союз ССР в результате Второй мировой войны и находящихся на территории Российской Федерации» не

соответствующим Конституции РФ по порядку принятия Государственной думой. Это решение было мотивировано тем, что «признание оспариваемого Закона не соответствующим Конституции Российской Федерации по порядку принятия в связи с нарушением депутатами Государственной думы принципа личного участия в голосовании давало бы возможность поставить под сомнение конституционность и других ранее принятых федеральных законов. Такой результат противоречил бы целям конституционного судопроизводства, каковыми являются защита основ конституционного строя, основных прав и свобод человека и гражданина, обеспечение верховенства и прямого действия Конституции Российской Федерации» [8].

Во многом по указанным основаниям было прекращено и производство по делу о проверке конституционности Федерального конституционного закона «О внесении изменения и дополнения в Федеральный конституционный закон «О референдуме Российской Федерации» в части, касающейся порядка его принятия Государственной думой, когда голосование за значительное число отсутствующих депутатов производилось по их доверенностям [9].

Приведенные решения позволяют утверждать, что Конституционный суд «самоограничивает» себя в осуществлении принадлежащих ему конституционных полномочий в случаях угрозы превращения его в участника политического процесса (кампании), а также тогда, когда предполагаемый результат его деятельности противоречит целям конституционного судопроизводства. Вместе с тем в практике Конституционного суда имеется и аспект «технологического самоограничения» в реализации формально принадлежащих ему полномочий. Его можно объяснить тем, что, возобновив свое функционирование в середине 1990-х гг., суд опасался, что не справится с «валом» дел и поэтому фактически отказался от проверки нормативных актов на соответствие конституционным нормам-принципам, обеспечивающим иерархию этих актов - ст. 76 (ч. 3 и 5), 90 (ч. 3), 115 (ч. 1). Естественно, что эту нишу стремительно заняли суды общей и арбитражной юрисдикции, что нашло отражение в соответствующих разделах новых ГПК и АПК РФ. Однако данная область до сих пор остается сферой дискуссии, а также юрисдикционных споров, разрешаемых в конечном итоге Конституционным судом РФ [10-12].

Тенденция на расширение (по терминологии Л.В. Лазарева - на конкретизацию) [13. С. 121] собственных полномочий Конституционного суда осуществляется на практике в трех направлениях:

- 1) путем расширения объектов конституционного нормоконтроля;
- 2) путем расширения круга субъектов инициирования запросов и жалоб в Конституционный суд;
- 3) путем конструирования фактически новых полномочий, трансформируя их из прежних либо из института исполнения решений Конституционного суда.

Расширение объектов конституционной проверки реализуется как по линии абстрактного, так и конкретного нормоконтроля. В этом аспекте Конституционным судом положительно разрешен дискуссионный вопрос, могут ли проверяться путем абстрактного нормокон-

троля федеральные конституционные законы [13. С. 30; 14]. Причем, рассматривая в подобной процедуре Федеральный конституционный закон «О внесении изменения и дополнения в Федеральный конституционный закон «О референдуме Российской Федерации», Конституционный суд никоим образом не аргументировал, почему он проверяет нормативный акт, не предусмотренный в перечне части второй ст. 125 Конституции РФ, проигнорировав возражения полномочного представителя Президента РФ в Конституционном суде [15] и одного из экспертов - доктора юридических наук Л.Б. Есковой [16].

Придавая более широкое значение понятию «закон», Конституционный суд РФ счел возможным в порядке конкретного нормоконтроля проверять и другие нормативные акты законодательной и исполнительной власти. Он распространил фактически положение ч. 4 ст. 125 Конституции РФ сначала на постановления прежнего Верховного совета РФ о порядке введения в действие законов [17], затем - на постановления Государственной думы об амнистии [18], а недавно и на некоторые акты Правительства РФ [19]. При этом первые два случая объяснялись тем, что названные постановления по своему уровню являются актами, равными законам.

В Конституции РФ прямо не указывается на то, что постановления Пленума Верховного суда РФ могут быть объектом проверки на конституционность. Тем более, в результате конституционной реформы 1993 г. правоприменительная практика, а точнее так называемые ее обыкновения, перестали быть непосредственно подконтрольными Конституционному суду. Однако, благодаря широкому прочтению последним требований, предъявляемых к его решениям ч. 2 ст. 74 Федерального конституционного закона «О Конституционном суде Российской Федерации», «сложившаяся правоприменительная практика», в том числе изложенная в концентрированной форме в постановлениях Пленума Верховного суда РФ, стала объектом оценки со стороны Конституционного суда в мотивировочной части его постановлений.

Это осуществляется с точки зрения оценки конституционного толкования норм законов в названных постановлениях. Таким образом, дезавуированы отдельные положения некоторых из них. В частности, при рассмотрении Конституционным судом дела о проверке конституционности положений ст. 115 и 231 ГПК РСФСР, ст. 26, 251 и 253 ГПК РФ, ст. 1, 21 и 22 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с запросами Государственного собрания - Курултая Республики Башкортостан, Государственного совета и Верховного суда Республики Татарстан было подвергнуто сомнению положение постановления Пленума Верховного суда РФ от 27 апреля 1993 г. «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел по заявлениям прокуроров о признании правовых актов противоречащими закону (в редакции от 24 апреля 2002 г.)» об истолковании указанных положений гражданского процессуального законодательства как не исключающих подведомственность судам общей юрисдикции дел о признании противоречащими федеральному закону конституций и уставов субъектов РФ, основываясь, в частности, на том, что закон не содержит указания на допустимость проверки конституций

и уставов субъектов РФ только в порядке конституционного судопроизводства [20].

Помимо законодательного расширения круга субъектов обращения в Конституционный суд в порядке конкретного нормоконтроля, о чем уже указывалось в начале статьи, в практической деятельности суда этот круг давно вышел за рамки, формально обозначенные в ч. 4 ст. 125 Конституции РФ и в ст. 96 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации». Трактую смысл этих статей во взаимосвязи со ст. 17 (ч. 2), 46, 62 (ч. 3) Конституции РФ, суд обоснованно пришел к выводу, что защита прав и свобод посредством конституционного правосудия должна быть обеспечена каждому, в том числе и прямо не упоминаемым в вышеназванных положениях иностранным гражданам и лицам без гражданства, если законом нарушены их права и свободы, гарантированные российской Конституцией [21].

Как отмечает Л.В. Лазарев, Конституционный суд широко толкует понятие «объединение граждан» как субъекта обращения с конституционной жалобой, не ограничивая их круг только теми общественными объединениями, которые образуются в соответствии со ст. 30 Конституции при реализации одного из политических прав - права на объединение - и не преследуют коммерческие цели (политические партии, профсоюзы и т.п.) [13. С. 33]. Субъектами конституционной жалобы судом признаны: религиозные объединения; объединения - юридические лица, созданные гражданами для совместной реализации таких конституционных прав, как право свободно использовать свои способности и имущество для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности (акционерное общество, товарищество и общество с ограниченной ответственностью) [22]; государственное предприятие - юридическое лицо [23]; муниципальное образование как территориальное объединение граждан, коллективно реализующих на основании Конституции право на осуществление местного самоуправления [24].

Можно согласиться с высказанным в литературе мнением, что многие из названных субъектов существенно отличаются по своим признакам от того понимания объединения граждан, которое вытекает из смысла Конституции - ст. 15 (ч. 2), 30, 36 (ч. 1) и поэтому требуется корректировка статьи 96 ФКЗ «О Конституционном суде Российской Федерации» с учетом складывающейся практики [13. С. 33].

Следует отметить, что тенденция расширения круга субъектов обращения в Конституционный суд начала касаться и абстрактного нормоконтроля. Недавно Конституционный суд предоставил возможность Генеральному прокурору РФ обращаться по вопросу о соответствии Конституции РФ конституций и уставов субъектов РФ вне связи с их применением в конкретном деле. Это, по мнению суда, предопределяется закрепленными федеральными законами полномочиями органов прокуратуры осуществлять обеспечение исполнения Конституции РФ, соответствия ей конституций (уставов), законов и иных правовых актов субъектов РФ, с одной стороны, и исключительными полномочиями Конституционного суда РФ в области судебного конституционного контроля - с другой [25].

Очевидно, что Конституционный суд РФ, пытаясь в данном случае исходить из смысла и духа Конституции, дал весьма «смелую» интерпретацию конституционным положениям, создав фактически новую норму, расширяющую полномочия Генерального прокурора. Кстати, этот аспект подчеркивается и отдельными конституционными судьями [26].

И, наконец, нельзя игнорировать и то обстоятельство, что в недрах Конституционного суда фактически родилось и широко применяется письменное производство по основной массе дел. Это - принятие на пленарных заседаниях по докладу судьи так называемых «определений с позитивным содержанием». Естественно, что рассмотрение этих дел происходит без заслушивания сторон и истребования от них объяснений и отзывов, т.е. без соблюдения принципов конституционного судопроизводства: устности и состязательности. Хрупкой правовой основой для этого признаются судебный прецедент, ранее состоявшиеся решения Конституционного суда и ст. 79 и 87 Федерального конституционного закона «О Конституционном суде Российской Федерации» о том, что признание нормативного акта либо отдельных его положений не соответствующими Конституции является основанием отмены в установленном порядке положений других нормативных актов, основанных на нормативном акте, признанном неконституционным, либо воспроизводящих его или содержащих такие же положения, какие были предметом обращения.

Серьезной правовой основы для письменного производства, к сожалению, не имеется. Поэтому еще в 2001 г. нами предлагалось внести соответствующие поправки в ФКЗ «О Конституционном суде Российской Федерации» в целях закрепления рожденного практикой письменного производства по делам, решаемым на основе прецедентов Конституционного суда [27]. В настоящее время этой идеи придерживается и Председатель Конституционного суда РФ В.Д. Зорькин, предлагая таким образом усовершенствовать работу этого органа российского правосудия [28].

В ряде правовых позиций Конституционного суда признается за ним полномочие подтверждения конституционности закона субъекта РФ, объявленного решением суда общей юрисдикции противоречащим федеральному закону, поскольку оно по своей юридической природе не является подтверждением недействительности закона, его отмены и тем более лишения юридической силы с момента издания, а означает лишь признание его недействующим и, следовательно, с момента вступления решения в силу не подлежащим применению. По мнению Конституционного суда, у субъекта РФ, не согласного с таким решением, сохраняется право ходатайствовать перед Конституционным судом РФ о подтверждении конституционности своего закона либо о проверке конституционности федерального закона [29-31].

Очевидно, что право подтверждения Конституционным судом конституционности регионального закона является производным от права разрешать дела о соответствии Конституции РФ законов и иных нормативных актов субъектов РФ (ст. 125, ч. 1, п. «б» Конституции РФ). Вместе с тем возникает ситуация, когда Конституционный суд в процедуре абстрактного нормокон-

троля фактически превращается в апелляционную инстанцию в отношении суда общей юрисдикции. Этот момент придает производному полномочию Конституционного суда новое, не присущее ему качество, которое требует теоретического осмысления.

В ряде государств конституционным судам предоставлено право давать обязательное толкование законов [32]. Согласно нашему Основному закону Конституционный суд дает толкование Конституции РФ. Однако реальная практика органа судебного конституционного контроля нередко ставит перед ним задачу растолкования федеральных законов, что сейчас признается и судьями Конституционного суда [33]. Подобная интерпретация, в отличие от разъяснений законов другими судами, имеет свою специфику: Конституционный суд дает «конституционное толкование обычных законов». Это осуществляется, как уже отмечалось, в виде обеспечения конституционного истолкования норм законов

в правоприменительной практике с целью избежания различного толкования судами всех юрисдикций, а также другими правоприменителями. Подобное производное от компетенции Конституционного суда полномочие обуславливается смыслом и целями конституционного судопроизводства в целом. Естественно, что его необходимо тем или иным образом закрепить в Федеральном конституционном законе «О Конституционном суде Российской Федерации».

Подводя итог сказанному, можно констатировать, что в конкретизирующей и преобразовательной деятельности Конституционного суда РФ объективно появляются некоторые новые полномочия, которые во многом обусловлены задачами и целями конституционного судопроизводства. Некоторые из этих полномочий непосредственно производны от тех, что предусмотрены Конституцией РФ, а некоторые фактически порождены нормами, установленными самим Конституционным судом.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Собрание законодательства Российской Федерации*. 1995. № 42. Ст. 3921.
2. *Собрание законодательства Российской Федерации*. 1997. № 9. Ст. 1011.
3. *Собрание законодательства Российской Федерации*. 1995. № 47. Ст. 4472.
4. Митюков М.А. К истории конституционного правосудия России. М.: АТиСО, 2002. С. 155.
5. Митюков М.А. Об оптимальном варианте развития Конституции Российской Федерации // Законодательство в XXI веке: По материалам научно-практической конференции, посвященной 75-летию Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. Москва, 17 октября 2000 г. М.: Городец-издат, 2002. С. 17-29.
6. Митюков М.А. Конституция Российской Федерации: направления и способы ее преобразования // Государственная власть и права человека: Материалы науч.-практ. конф., посвящ. 85-летию со дня рождения проф. А.И. Кима, 14 дек. 2000 г. / Отв. ред. В.Ф. Волочич. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. С. 11-13.
7. Конституционный суд Российской Федерации: Постановления. Определения. 1992-1996 / Сост. и отв. ред. Т.Г. Морщакова. М.: Юристь, 2001. С. 171-175.
8. Конституционный суд Российской Федерации: Постановления. Определения. 1999 / Отв. ред. Т.Г. Морщакова. М.: Юристь, 2000. С. 141-147.
9. *Российская газета*. 2003. 19 июня.
10. Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 18 июля 2003 г. по делу о проверке конституционности положений ст. 115 и 231 ГПК РСФСР, ст. 26, 251 и 253 ГПК Российской Федерации, ст. 1, 21 и 22 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с запросами Государственного собрания - Курултая Республики Башкортостан, Государственного совета Республики Татарстан и Верховного суда Республики Татарстан // *Российская газета*. 2003. 29 июля.
11. Чернега Ю. Правительство доверяет только Конституционному суду // *Коммерсант*. 2003. 26 ноября.
12. Ильичев Г. Конституционный суд делит полномочия с Верховным // *Известия*. 2003. 26 ноября.
13. Лазарев Л.В. Правовые позиции Конституционного суда России. М., 2003.
14. Митюков М.А., Барнашов А.М. Очерки конституционного правосудия. Томск, 1999. С. 124-125.
15. Выступление полномочного представителя Президента Российской Федерации в Конституционном суде Российской Федерации М.А. Митюкова по делу о конституционности Федерального конституционного закона «О внесении изменения и дополнения в Федеральный конституционный закон «О референдуме РФ» // Дайджест официальных материалов и публикаций в периодической печати «Конституционное правосудие в странах СНГ и Балтии». 2003. № 12 (ч. 2). С. 50-84.
16. Дайджест «Конституционное правосудие в странах СНГ и Балтии». 2003. № 14 (ч. 1). С. 64-68.
17. Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 г. по делу о проверке конституционности положений ст. 31 и части третьей ст. 42 УПК РСФСР, п. 1 и 2 постановления Верховного совета Российской Федерации от 16 июля 1993 г. «О порядке введения в действие Закона РФ «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судостроительстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» в связи с запросом Московского городского суда и жалобами ряда граждан // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 1999. № 6. Ст. 867.
18. Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 5 июля 2001 г. по делу о проверке конституционности постановления Государственной думы от 28 июня 2000 г. «О внесении изменения в постановление Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов» в связи с запросом Советского районного суда города Челябинска и жалобами ряда граждан // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2001. № 29. Ст. 3059.
19. Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 27 января 2004 г. по делу о проверке отдельных положений ГПК Российской Федерации по запросу Правительства Российской Федерации.
20. *Вестник Конституционного суда Российской Федерации*. 2003. № 5. С. 20-21.
21. Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 17 февраля 1998 г. по делу о проверке конституционности положений части второй ст. 31 Закона СССР от 24 июня 1981 г. «О правовом положении иностранных граждан в СССР» в связи с жалобой Хяя Дашти Гафура // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 1998. № 9. Ст. 1142.
22. Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 24 октября 1996 г. по делу о проверке конституционности части первой ст. 2 Федерального закона от 7 марта 1996 г. «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об акцизах» // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 1996. № 45. Ст. 5202.
23. Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 12 октября 1998 г. по делу о проверке конституционности п. 3 ст. 11 Закона Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. «Об основах налоговой системы в Российской Федерации» // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 1998. № 1. Ст. 5211.
24. Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 2 апреля 2002 г. по делу о проверке конституционности отдельных положений Закона Красноярского края «О порядке отзыва депутата представительного органа местного самоуправления» и Закона Корякского автономного округа «О порядке отзыва депутата представительного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления» в связи с жалобами А.Г. Злобина и Ю.А. Хнаева // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2002. № 14. Ст. 1374.

25. *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2003. № 30. Ст. 3101.
26. *Стрекозов В.* Неграмотные люди не смогут противостоять беззаконию // *Политический журнал*. 2003. № 2. С. 70.
27. *Проблемы* исполнения федеральными органами власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации решений Конституционного суда Российской Федерации и конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации: Материалы Всероссийского совещания / Под ред. М.А. Митюкова, С.В. Кабышева, В.К. Бобровой. М.: Формула права, 2001. С. 39.
28. *Речук Д.* Слушания излишни // *Ваше право*. 2003. № 46.
29. *Постановление* Конституционного суда Российской Федерации от 11 апреля 2000 г. по делу о проверке конституционности отдельных положений ст. 1, 21 и 22 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2000. № 16. Ст. 1774.
30. *Определение* Конституционного суда Российской Федерации от 8 февраля 2001 г. по ходатайству Председателя Правительства Республики Карелия о разъяснении постановлений Конституционного суда Российской Федерации от 16 июня 1998 г. и от 11 апреля 2000 г. // *Конституционный суд Российской Федерации: Постановления. Определения*. 2001 / Отв. ред. Т.Г. Морщакова. М., 2002. С. 243-247.
31. *Постановление* Конституционного суда Российской Федерации от 15 декабря 2003 г. по делу о проверке конституционности отдельных положений Закона Ивановской области «О муниципальной службе Ивановской области» в связи с запросом Законодательного собрания Ивановской области // *Российская газета*. 2003. 24 декабря.
32. *Митюков М.А.* Конституционные суды на постсоветском пространстве. М., 1999. С. 122-123.
33. *Гаджиев Г.А.* Люди в мантиях дорожат своей монополией [беседовал Ю. Звягин] // *Парламентская газета*. 2003. 9 дек.

Статья представлена кафедрой конституционного и международного права Юридического института Томского государственного университета, поступила в научную редакцию «Юридические науки» 17 июня 2004 г.